

БЕСТ ПРАЙС
СОВРЕМЕННЫЙ
РОССИЙСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Читайте все романы Александры Марининой:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего – никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла
Обратная сила. 1842 – 1919
Обратная сила. 1965 – 1982
Обратная сила. 1983 – 1997
Цена вопроса. Том 1
Цена вопроса. Том 2

Адрес официального сайта Александры Марининой
в Интернете <http://www.marinina.ru>

БЕСТ
прайс

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ЛИЧНЫЕ
МОТИВЫ

ТОМ 2

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Иллюстрация на обложке *И. Хивренко*

Маринина, Александра.

М26 Личные мотивы. [Роман. В 2 т.]. Том 2 / Александра Маринина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 256 с.

ISBN 978-5-04-089422-2

Прошлое неотрывно смотрит в будущее. Чтобы разобратся в сегодняшнем дне, надо обернуться назад. А преступление, которое расследует частный детектив Анастасия Каменская, своими корнями явно уходит в прошлое.

Кто-то убил смертельно больного, беспомощного хирурга Евтеева, давно оставившего врачебную практику. Значит, была какая-то опасная тайна в прошлом этого врача, и месть настигла его на пороге смерти.

Впрочем, зачастую под маской мести прячется элементарное желание что-то исправить, улучшить в своей жизни. А фигурантов этого дела обуревают множество страстных желаний: жажда власти, богатства, удовлетворения самых причудливых амбиций... Словом, та самая, столь хорошо знакомая Насте, благодатная почва для совершения рискованных и опрометчивых поступков.

Но ведь где-то в прошлом таится то самое роковое событие, вызвавшее эту лавину убийств, шантажа, предательств. Надо как можно быстрее вычислить его и остановить весь этот ужас...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М.А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089422-2

Глава 8

Валентина Евтеева искоса посматривала на профиль идущего рядом с ней Славомира Ильича, и сердце ее замирало от счастья и восторга. Все тревожнения позади, на следующий день после визита в дом Крамарева той пожилой пары она встретила Славомира на прогулке. Как и в прошлый раз, за его спиной маячили два телохранителя.

— Валечка, как я рад вас видеть! — обрадованно воскликнул он. — Несколько дней не мог вырваться и, признаюсь вам, успел соскучиться. Вы такая очаровательная собеседница, мне очень не хватало прогулок с вами.

— Я тоже вас ждала, — призналась она искренне. — Боялась, не заболели ли вы.

Он легко коснулся ее руки, и Валентина обмерла. Неужели?! Неужели все сбывается?

— Было много работы, — вздохнул Славомир, как показалось Валентине, с сожалением. Во всяком случае, ей хотелось думать, что сожаление в его голосе действительно было. — Но я думал о вас, вспоминал, как мы вместе гуляли. А знаете что? Пойдемте выпьем кофе, здесь в торговом центре есть вполне пристойное кафе, где подают хорошую свежую выпечку. Пойдемте?

Она с радостью согласилась. Да она согласилась бы пойти с ним куда угодно, хоть в кафе, хоть на бои без правил.

Оказалось, из этой части лесного массива есть короткая тропа, которая вела прямо к большому торгово-развлекательному центру. Валентина шла от шоссе к месту встречи со Славомиром добрых двадцать минут, а теперь выяснилось, что можно было дойти и за семь.

Телохранители проводили их до входа и остались стоять снаружи у дверей. Славомира Ильича в кафе знали, видно, он частенько сюда заходил. Они заказали кофе и булочки из слоеного теста с яблоками и лимоном. Валентина, против обыкновения, даже краешком сознания не зафиксировала эти слоеные булочки как нарушение режима питания и угрозу размерам талии, рядом со своим спутником она готова была есть что угодно и не думать о последствиях.

— Расскажите мне о себе, — попросил он. — Кто ваши родители, как вы учились в школе, какими были ваши подруги в детстве, как вы влюбились в первый раз.

«Только бы ничего не напутать, — напряженно думала Валентина. — Я родилась не в Руновске и выросла не в Южноморске, я питерская девочка из интеллигентной семьи, папа — врач, мама — инженер. Брат — бизнесмен. Не нужно ничего выдумывать, я буду рассказывать правду, только все это будет происходить в Питере. И папу никто не убьет, он сам умрет от своей болезни. Нет, не надо про папину смерть, она была слишком недавно, а ведь Нина Сергеевна говорила, что в Москве не любят горя и вообще не любят людей с проблемами. Пусть папа будет жив, и никакой болезни нет. Я вообще об этом говорить не стану. Он же не спрашивает про моих родителей сейчас, он спрашивает про мое детство» .

Она рассказывала о себе и своей семье и не переставала удивляться тому, что это может быть интересно

Славомиру. Ну, когда Нина Сергеевна расспрашивала ее, Валя понимала: хозяйка изучает ее, у нее хобби такое, Нина сама предупреждала. Но Славомир! Никогда ни один мужчина, ухаживая за ней, не интересовался ее детством и школьными подружками, максимум, куда распространялось их любопытство, — это вопрос о том, была ли она замужем и есть ли у нее дети.

— А какие книги вы в детстве читали? — спросил он.

Разговор плавно перешел на литературу, и здесь Славомир Ильич активно включился в беседу и показал себя человеком знающим и тонким. Они как раз обсуждали, в каком возрасте имеет смысл читать «Мадам Бовари» Флобера, чтобы хоть что-то понять в этом произведении, когда Славомир Ильич вынул из кармана мобильник.

— Простите, Валечка, мне нужно позвонить. Девушка в депрессии, надо ее поддержать.

Валентина не поняла, о какой «девушке в депрессии» идет речь, и, пока Славомир разговаривал, она внимательно прислушивалась к каждому его слову, пытаясь сообразить, хочет ли он, чтобы она спросила, что это за девушка и отчего у нее депрессия. Наверное, хочет, иначе зачем бы вообще стал говорить об этом. Или сказал просто так, чтобы объяснить, почему прерывает разговор на самом интересном месте, и никакие расспросы в его планы не входят? Как же поступить, чтобы не вызвать раздражения и недовольства?

— Ольга Константиновна, — говорил Славомир Ильич в трубку, — ну ты как там? Ничего? Как спала? Что снилось? Ну, ты это брось, не надо так... Да все будет хорошо, не думай об этом... Ну ты же умница... Нет, так нельзя, это неправильно... Ну потому и неправильно... Нет... Нет... Ты давай-ка выпей что-нибудь успокоительное и ляг поспи, а проснешься — и все будешь видеть совсем в другом свете.

Ольга Константиновна. Нина Сергеевна говорила о какой-то Ольге, преподавательнице арабского. Неужели она? Так у них со Славомиром все-таки роман или что? Валентина начала нервничать. С одной стороны, он разговаривает с этой Ольгой ласково, проявляет заботу, но с другой — он же сидит в кафе с ней, с Валентиной, а вовсе не с Ольгой. Зачем он ей звонит именно сейчас? Неужели нельзя было позвонить потом, когда Валентины не будет рядом? Или он хочет таким образом дать понять, что несвободен и чтобы Валентина не строила напрасных планов? Но зачем тогда он повел ее пить кофе? И почему сказал при встрече, что думал о ней и скучал?

Славомир разговаривал долго и неторопливо, Валентина успела не только съесть обе свои булочки и допить кофе, но и выкурить целых две сигареты. Ей надоело прислушиваться, его слова вызывали у нее только неприятные и тревожные мысли, и Валентина переключилась на свое главное дело. Каменская уехала в Южноморск и уже начала работать, Стасов сказал, что она встречается с друзьями отца и собирается посетить больницу. В общем, дело движется, заказ выполняется, и это вселяет надежду. И Славомир Ильич тоже вселяет надежду... Неужели в ее жизни так странно и интересно начинается новая полоса?

— Трудно с вами, с девушками, — с улыбкой сказал он, убирая телефон.

Ну вот опять... На что он намекает? На то, чтобы Валентина все-таки спросила про эту Ольгу? Или просто извиняется за слишком долгий разговор?

— Все в порядке? — спросила она с участием.

Вот так, наверное, будет лучше всего. Захочет — расскажет, вопрос вполне это позволяет. Не захочет — промолчит, отделается кратким ответом.

— Дурака валяет девушка, — сказал он. — Не в настроении. Надо оказать моральную поддержку, а то как

бы глупостей не наделала. Валечка, давайте перейдем на «ты», а?

Он сменил тему. Он не хочет рассказывать об Ольге. Значит, он по крайней мере не собирается давать понять, что несвободен, а это уже хорошо. Они легко перешли на более простое обращение, после кафе гуляли еще целый час, и, когда расставались, Славомир четко обозначил время и место их завтрашней встречи.

С того дня совместные прогулки стали ежедневными. Сегодня, 9 мая, в воскресенье, они встречались уже четвертый день подряд. И Валентина, идя рядом со Славомиром, чувствовала, что влюбилась безоглядно и безнадежно. А Славомир был таким же, как и в первый день, ровным, спокойным, ироничным, очень ласковым, и голос его звучал негромко и интимно, и он часто прикасался к Валентине будто невзначай, даже, случалось, обнимал ее за плечи, но она не замечала в нем ни малейшего признака волнения, словно они были старыми друзьями. «Может быть, ему просто интересно со мной, а как женщина я его совсем не волную», — с недоумением и даже с обидой думала она.

* * *

Мороженое быстро таяло, и Настя торопливо слизывала его, опасаясь, что оно все-таки капнет на ее белые брюки. В круглом бассейне два северных кита, Земфира и Пышка, показывали чудеса послушания и ловкости, они выпрыгивали из воды за мячом, возили на спине тренера и сделали прощальный круг, перевернувшись на бок и помахивая зрителям плавниками. После северных китов свое мастерство показывал полуторатонный, но невероятно ловкий морской лев Тимофей, а завершала представление парочка черноморских дельфинов. Все номера перемежались довольно

остроумным конференсом. Настя, доев мороженое, хлопала в ладоши и радовалась, как ребенок. Сидящий рядом Чистяков поглядывал на нее с улыбкой.

— Ты вся перемазалась, — сказал он, доставая носовой платок, — как девчонка пятилетняя. Нравится?

— Ужасно! — призналась она. — Не помню, когда я в последний раз так радовалась. Ума не приложу, что нужно делать, чтобы заставить китов махать плавниками, это за пределами моего скудного разума.

Это был последний день из трех выходных. В первый день Настя позвонила по всем телефонам, которые ей удалось собрать у друзей Евтеева и в больнице, с огорчением выяснила, что из всего списка в городе на праздники остались только два человека. Они с Чистяковым их навестили, но ничего нового не узнали и отправились в океанариум, где Настя с изумлением и восторгом разглядывала рыбок за стеклами огромных аквариумов и поражалась разнообразию их окрасов. Вот рыбы, которым пятьдесят миллионов лет, серенькие, невзрачные. Подумать только, пятьдесят миллионов лет — срок, который трудно охватить умом, а эти серенькие длинные рыбки уже были! Плавали, размножались... А вот рыба-лев, золотисто-розовая, действительно напоминающая львиную гриву, Настя даже не подозревала, что такие бывают. У рыбки «Водяные глазки» возле глаз странные пузыри размером с вишню, а у белоснежной с прозрачными плавниками аранды на лбу мясистый вырост красного цвета, который называется «жировик», но выглядит как кучка красной икры, а из камня с маленькими пещерками выползают длинные, в горошек мурены. В огромном аквариуме плавала акула, а вокруг нее — прелестные на вид рыбки-прилипалы, синие, с ярко-желтыми хвостами, размером с детскую ладошку. А вот рыбка ярко-синего цвета с четко прорисованной широкой красной полосой от середины

бока к хребту. Зачем эта полоса нужна? Для чего она? Для красоты? Или для чего-то другого? Природа знает, для чего, она ничего просто так не делает. Для чего-то она создала именно это и именно так, именно в таком виде. «Природа каждому существу что-то дает, — подумала Настя. — И дает для чего-то. Растения и животные принимают этот дар, как принимают данную им жизнь, и пользуются всем, что дано им от рождения, пользуются до самой смерти. Рыбки продолжают плавать, хищники охотиться, змеи ползают... Природа создает животных, растения, воду, камни для какой-то ей одной понятной цели, и эта цель неизвестна человеку до конца, и не нужно впадать в грех гордыни и думать, что ты можешь понимать все так, как оно было задумано, и распорядиться этим так, как должно. Все живое на земле благодарно пользуется дарами природы, и только человек растрчивает эти дары тупо и бездарно, а потом перестает пользоваться тем, что осталось. Ведь человеку даны руки, ноги, органы чувств и разум, почему же мы так пренебрежительно относимся к этим величайшим дарам, перестаем слушать, смотреть, думать, двигаться, запираем себя в раковине, сложенной из устаревших мифов и представлений, и вообще перестаем жить после определенных событий, будь то личное горе или просто достижение некоторого возраста. Ведь мы тем самым оскорбляем природу, словно говоря ей: нам не нужно все то, что ты нам дала, нам это все без надобности, мы не собираемся этим пользоваться, забирай обратно. И она забирает. Отнимает зрение, слух, подвижность суставов, постепенно отнимает разум. Она дала нам все для того, чтобы мы могли наслаждаться жизнью и быть счастливыми, а мы этого не делаем, придумывая тысячи объяснений, почему мы не можем, почему у нас не получается. Отчего так? Наверное, прав был Бегорский со своим клубом

«Золотой век», считая, что нужно продолжать функционировать так, как тебя создала природа, до последнего своего часа, не впадая в грех уныния и не предавая себя вечному затворничеству. Вообще поездка в Томилин многому меня научила, что-то слишком часто я ее вспоминаю. Хорошо, что Стасов поручил мне в свое время это дело».

После океанариума они ходили изучать другую часть набережной, ту, что начиналась за сквером, разделяющим старую, «литературную», и новую, «политическую», части города. Новая набережная была пошире, и магазины на ней стояли другие, если на старой торговля шла в палатках и киосках, то здесь красовались торговые точки с собственными названиями, отдельными помещениями, витринами и кондиционерами. И цены в ресторанчиках и кафе были повыше, а вот пляж оказался точно таким же необорудованным и с платными пластиковыми шезлонгами. Настя и Леша поужинали в кафе под названием «Шарм», являвшем собой изящную, выполненную из дерева терраску, нависающую над пляжем. Названия в меню поражали изобретательностью, но еда была ужасающе невкусной.

— Что сказал бы драгоценнейший Яков Наумович, если бы увидел, как мы за такие деньги давимся чем-то совершенно несъедобным, — задумчиво произнес Чистяков. — Наверное, умер бы от ужаса. Он ведь говорил, что питаться мы должны только в своей гостинице, потому что у нашего хозяина самые лучшие повара.

— Но не возвращаться же ради еды на другой конец города, — рассудительно ответила Настя. — У нас с тобой запланирован осмотр улицы, на которой жил Евтеев, а это как раз в «политической» части. Давай уже скорее додавимся, расплатимся и пойдем искать дом.

На следующий день, 9 мая, Настя снова с утра предприняла попытку дозвониться хоть до кого-нибудь, но

тщетно: телефоны или не отвечали, или выяснялось, что нужный человек будет доступен только после праздников.

— Все, решено, — твердо сказала она, закрывая блокнот, — сегодня будем предаваться сладкому безделью.

— Слава богу, наконец-то! — обрадовался Алексей. — Дай голове хоть немного полноценного отдыха.

Они разделись и устроились под «грибком» возле бассейна в своем отеле, заказали кофе и по два куска торта и нежились на горячем солнышке, то и дело ныряя в прохладную голубую воду, по очереди играли в игрушки на айпode Чистякова, потом Леша читал ей вслух какой-то детектив. Настя периодически проваливалась в дрему и удивлялась тому, насколько нединамично, затянуто и скучно написан роман: она просыпалась, включалась на полуслове и обнаруживала, что все понимает, словно и не пропустила ничего.

Вечером взяли такси и поехали в предгорье, в ресторан «Синее море», который активно рекламировал Николай Степанович Бессонов, уверяя, что таких хачапури, как там, они не найдут нигде в мире. Места в ресторане, как и во многих других ресторанах Южноморска, были устроены в отдельно стоящих беседках среди густой зелени, рядом протекала горная речушка, через которую был перекинут горбатый мостик, и воздух здесь был прозрачным и влажным. Цены в ресторане были запредельными, но зато хачапури действительно оказались потрясающими, нежными и сочными, Настя и Чистяков съели по три штуки и потом долго приводили себя в чувство при помощи зеленого чая.

Они сидели за столиком в беседке, и Настя вдруг увидела кота необычного окраса. Кот был симпатичный и толстый, коричневый с зеленым, а концы шерстинок — белые. Она тут же потянулась за фотоаппаратом — просто грех не запечатлеть такую красоту.

Хорошо бы, чтобы удалось передать фактуру шерсти, и Настя оглянулась в поисках подходящего фона. Фон нашелся, это была оштукатуренная светло-бежевая стена здания ресторана, и солнечный свет падал прямо на нее, но встала задача поместить на этот фон привыкшее к свободе животное, да еще заставить его не жмуриться от яркого света. Однако кот оказался покладистым и охотно дошел до стены, привлекаемый запахом рыбы, кусочек которой Настя попросила у официанта, уносившего грязные тарелки с одного из столов. Чистяков стоял рядом с ней и держал вожаденный кусочек рыбы в пальцах вытянутой руки, кот сидел неподвижно, широко раскрыв глаза и не сводя застывшего взгляда с лакомства, а Настя быстро делала снимки. К ним подошел хозяин заведения, который оказался другом Бессонова.

— Можно посмотреть, что получилось? А то у нас многие Филимона снимают, а получается как-то не очень. Может, вам повезет больше.

Настя показала ему на дисплее снимки, и хозяин остался очень доволен.

— Замечательно, просто замечательно, — восторгался он. — Вы не дадите мне флэшку на пять минут? Я перекину фотографии на свой компьютер, потом напечатаю, мы их внутри в рамочках повесим. Знаете, Филимон у нас всеобщий любимец, уже шесть лет здесь живет, у него чудный характер, добрый и не вредный.

— Для кота странновато, — заметил Алексей. — Они обычно довольно своенравные.

— Нет-нет, Филимон не такой, — заверил их ресторатор, — у него очень развито чувство собственного достоинства, и людей он не боится, но и наглости себе не позволяет, в тарелки не лезет и еду не выклянчивает.

Настя отдала ему флэшку, искренне радуясь, что ее работа в качестве фотографа нашла хоть какое-то при-

знание. В феврале в Томилине ей уже говорили, что у нее как-то особенно хорошо получается снимать животных, но тогда она сочла это банальным, ни к чему не обязывающим комплиментом. И вот теперь снова... Может быть, у нее и впрямь есть какие-то способности?

Когда вернулись в гостиницу, Бессонов предложил посидеть у бассейна, попить чайку, ему интересно было, какое впечатление произвел на гостей его любимый ресторан. После отчета о посещении «Синего моря» разговор естественным путем свернул на доктора Евтеева, который тоже любил там бывать. Настя поддерживала беседу, смеялась шуткам хозяина, а сама искоса поглядывала на Бессонова: а если это он? Если у него был повод отомстить Евтееву? Теперь она уже не сомневалась, что мотив убийства не корыстный, а личный, но какой именно? Как его обнаружить? Может быть, Лешка прав и идти надо не от мотива, а от личности предполагаемого убийцы? Мог Бессонов убить тяжелобольного, умирающего друга? А Фридман мог? А его жена? А Галина Симонян? Все могли. И в то же время вроде бы никто из них не мог.

В третий выходной они отправились в дельфинарий, и Настя ела мороженое и так аплодировала, что отбила ладони.

— Знаешь, — сказала она мужу, когда представление закончилось и они выходили на улицу, — я даже в детстве так не хлопала, когда меня в цирк водили.

— Тебе в цирке понравилось меньше, чем здесь? — уточнил Чистяков.

Она покачала головой:

— Не в этом дело. В детстве все это воспринимается просто как фокус, тебе интересно, ты веселишься и хлопаешь. А сейчас-то я понимаю, сколько титанического труда стоит за каждым трюком, сколько сил, терпения и выдержки нужно, чтобы добиться таких